

Судьба трудармейца

Галина ПЕТРОВА

Фото автора

Близится День памяти жертв политических репрессий. Некоторые считают, что такого дня не должно быть. Но ужасов репрессий забывать нельзя, чтобы они не повторились вновь.

Мало кто из современных жителей города знает, что на старом кладбище ДЮКа есть два памятника: полякам, попавшим под жернова репрессий, и немцам-трудармейцам, строившим мост через Северную Двину в 1942–1945 годах. На оградке памятника трудармейцам размещены два портрета, один из них – Эдуарда Яковлевича Вебера. Его дочь Виктория Вебер в 2009 году приехала в Котлас. Она рассказала историю семьи Вебер.

«Моему двоюродному брату было 18 лет, когда его вместе с моим отцом взяли в трудармию. Что он мне потом рассказал? Немцев Поволжья – всю деревню, где мы жили – в сентябре 1941 года погрузили в два эшелона и отправили в товарных вагонах на Алтай. Мне тогда было три месяца. Я была с мамой, папой, со всеми родственниками в одном из эшелонов. Попали мы в село Ракиты Рубцовского района Алтайского края. Вырыли мои родственники землянку, покрыли дерном и стали жить. Работали в колхозе. Никакого скота не имели – привезли только то, что можно было взять в руки. Только это разрешили. Голодали, ели даже сусликом. И ежиков ели, находили в лесопосадках. Топили кизяком. В колхозе получали одни пустые трудовни.

В декабре 1941 года местный военкомат забрал всех мужчин от 18 до 60 лет. Их собрали в Рубцовске, погрузили в товарные вагоны и повезли в Котлас. Им объявили, что везут в трудармию. В колхозе остались женщины с маленькими детьми. Остальных женщин отдельно от мужчин тоже забрала в трудармию. Но их привезли не в те места, куда были направлены мужчины.

Рассказывал мой двоюродный брат Александр Петрович Керн, что приехал он вместе с моим отцом Эдуардом Яковлевичем Вебером в Котлас в январе 1942 года. Их поместили в овощные склады, которые стали их жильем – бараки с двухэтажными нарами. Питание было очень плохое, люди были истощены. На медицинской комиссии их раздевали догола, они в таком виде

Лилия Константиновна Стрекаловская (Кобер) и Иван Иванович Красницкий возле памятника трудармейцам на ДЮКе, 2019 год.

должны были в наклонном положении поворачиваться к комиссии задом. Когда он это рассказывал, просто рыдал от унижения. Он не знал, для чего это делается (*по состоянию ягодич определяли степень истощенности – прим. Дубровиной*). В результате их распределяли по разным баракам в зависимости от состояния здоровья. Брат и отец оказались в разных бараках.

Когда Александру сказали, что его дядя (мой отец) умер, он пришел в его барак. Но труп ему показали уже в штабеле мертвецов. Брат посмотрел на его голые ноги, так как всего тела и головы не было видно из-за других трупов, и тут же пошел на работу. Ему объяснили, что сани с трупами трактор тянет на кладбище. Там, как он рассказывал, вырывали ров, стаскивали туда трупы и заваливали землей.

Содержали трудармейцев под охраной: колочая проволока, собаки. Зимой охрана была в тулупах, валенках, шапках. А трудармейцы были обуты в резиновые пины (*автомобильная покрывка разрезалась на части и сшивалась наподобие галош – прим. Дубровиной*). Одежды было мало: снимали с мертвых, чтобы одеться самим. После работы их долго считали на морозе. Некоторые не возвращались – умирали прямо на работе. Поэтому остальных держали, пока не проверят списки. Александр вернулся в наше село Раки-

ты на Алтае в 1947 году. Я знаю только двоих вернувшихся к нам из трудармии. Никто официально не извещал о смерти там родных. Александр нам написал о смерти отца, а другие узнавали друг от друга. Когда я уже пошла на пенсию, послала запрос об отце и получила справки и свидетельство о его смерти. А раньше мама и другие женщины никуда запросы не писали.

Когда брат вернулся, он был очень худой. И он сквозь слезы улыбался, радуясь, что остался жив. И ничего тогда не рассказывал. Впервые он мне все это рассказал в 1996 году, то есть почти через 50 лет. Он сказал, что его от холода и смерти спасло теплое шерстяное одеяло, которое дала ему при отправке мать. Он обматывал им поясницу и не снимал ни днем, ни ночью».

В нашу организацию приходят письма, в которых люди спрашивают о своих отцах и дедах, строивших мост. Но архивы закрыты, мы не можем им помочь. На нынешнее лето с нами договорились о приезде в Котлас две семьи – из Германии и Белгородской области. Но пандемия нарушила все планы.

30 октября – День памяти жертв политических репрессий. Мы решили, что, соблюдая все меры (маски, перчатки, дистанция 1,5 метра), сможем отдать дань памяти тем, кто по злой воле оказался в нашем городе на положении репрессированных.